

И. Г. Петров, Е. А. Ягафова

РИТУАЛ ПОХОРОН И ПОМИНОК ЧУВАШЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАПРЕТОВ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ¹

В статье рассмотрены запреты в похоронной и поминальной обрядности чувашей и факторы их изменчивости в процессе трансформации. Целью исследования является анализ системы запретов как механизма регулирования поведения людей в рамках ритуала и трансформации данной системы в современной культуре. Задача исследования – изучение запретов, имеющих место в похоронно-поминальной обрядности чувашей, через призму таких ключевых понятий, как время, пространство, обрядовые действия, состав участников, предметы, жертвенные дары, а также устойчивости и их изменчивости под влиянием глобализации и модернизации культуры. Работа главным образом основана на оригинальных полевых материалах авторов, собранных в различных ареалах расселения чувашей в регионе Урало-Поволжья в 1994–2022 гг. Методологической основой исследования является понимание системы запретов как неотъемлемой части соционормативной культуры, регулирующей поведение человека как в повседневной, так и ритуальной жизни. В результате проведенного исследования выявлено, что предметом запретительных норм в этой области может стать любая область хозяйственной, повседневной, обрядовой жизни человека, будь то время, место совершения действия, обрядовая атрибутика, состав участников и их поведение, одежда, пища и т. д. В последние десятилетия XX в. запреты обряда и похорон в аспекте сохранности и функциональности претерпели значительные изменения. Под влиянием социокультурных трансформаций XX – начала XXI в. объем запретов существенно уменьшился, а их значительная часть перестала считаться обязательной к исполнению. Это обусловлено стиранием в современных реалиях границ между профанным и сакральным, изменением хозяйственно-бытового уклада, занятости и ритма жизни людей, нуклеаризацией семей и нарушением трансляции культурных традиций между поколениями. В результате этого в представлениях людей многие запреты становятся неактуальными. В целом отмеченные изменения являются частью общего процесса трансформации этнической культуры в условиях глобализации и модернизации культуры.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, чуваш, обычаи и обряды, связанные со смертью человека, запреты

Актуальность исследования. Запреты (табу) охватывают практически всю сферу жизни и деятельности человека – повседневную жизнь, хозяйственные занятия, пищу, обычаи и обряды, религиозные верования, поведение, этикет, язык, культуру речи и т. д. Их предназначение – установление порядка и гармонии в отношениях человека с окружающим миром. Значительная часть запретов носит религиозный характер и связана с ритуальными практиками. По выражению известного французского социолога Э. Дюркгейма, они относятся к категории так называемых негативных культов, которые должны были предотвратить смешение сакрального и профанного – «помешать одной области проникнуть в другую» (Дюркгейм, 2018: 510).

Главенство запретов (*чарусем*) и необходимость их неукоснительного соблюдения имеет место в этнической культуре чувашей. Они регулируют поведение человека как в повседневной жизни, так и в обрядовых ситуациях. Особенно актуальными они становятся при «переходных» и пограничных состояниях и событиях – рождении детей, браке, смерти и переходе в «иной мир». В связи с этим возникают вопросы: насколько полно запреты (табу) представлены в похоронно-поминальной обрядности чувашей и как они отражены в модернизированном пространстве их современной культуры? Как запреты вписаны в современные ритуальные практики и какую роль они играют в современной обрядовой культуре? Само собой разумеется, что тема запретов в данной области достаточно обширная и осветить все ее аспекты в рамках одной статьи крайне затруднительно. Поэтому в настоящей статье авторы ограничатся рассмотрением только тех запретов, которые в настоящее время соблюдаются наиболее строго и последовательно.

¹ И. Г. Петровым данное исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

Историография темы. Тема запретов в похоронно-поминальной обрядности чувашей отражена в исследованиях А. К. Салмина (Салмин, 2007; 2016). Пищевые запреты и ограничения, в том числе в похоронно-поминальной обрядности, изучены в работах Е. В. Сергеевой (Сергеева, 2015; 2021). Отдельные вопросы, касающиеся структуры, типов, регулирующих функций запретов в традиционных ритуалах чувашей XIX – начала XX в., проанализированы в работах И. Г. Петрова (Петров, 2021; 2021a) и Е. А. Ягафовой (Ягафова, Петров, 2022). Поверья, приметы, а также запреты, связанные с данным видом обрядности, нашли отражение в тематических сборниках по устному народному творчеству чувашей (ЧНТ, 2009: 50–58, 276, 287–288). Несмотря на имеющийся научный задел, тема запретов в традиционной культуре чувашей, а вместе с ней проблема их современного бытования в ритуальной практике исследованы не в полной мере. Особенно актуальным представляется изучение и анализ запретов с учетом таких базовых категорий и понятий, как пространство, время, действия, участники, предметный мир и т. д. Такой подход позволяет раскрыть значимость системы запретов в похоронно-поминальной обрядности как в целом, так и применительно к ее отдельным блокам.

Цель, задача, объект, методология и методы исследования. Целью настоящего исследования является анализ запретов в качестве механизма регулирования поведения людей во время похорон и поминок и характера изменений запретов в современных условиях. Задача исследования – изучение запретов, имеющих место в похоронно-поминальной обрядности чувашей, через призму таких ключевых понятий, как время, пространство, обрядовые действия, состав участников, предметы, жертвенные дары, а также устойчивости и изменчивости системы запретов под влиянием глобализации и модернизации культуры.

Объектом исследования выбрано чувашское население закамских районов Республики Татарстан, Самарского Заволжья и Башкирского Приуралья, в которых в 1994–2022 гг. авторами были проведены экспедиционные исследования (ПМА, 1994–2022). Следует заметить, что в ходе экспедиций сбор полевых материалов производился по самым разным темам. Однако в процессе интервьюирования иногда затрагивалась и тема запретов, особенно тогда, когда речь заходила о «правильном» или «неправильном» поведении участников при проведении тех или иных обрядов. Более предметно и детально этот вопрос удалось изучить в рамках научного гранта РФФИ «Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация (конец XX – первые десятилетия XXI в.)», над реализацией которого авторы работали в 2020–2022 гг. В рамках этого проекта в с. Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области и с. Кош-Елга Бижбулякского района Республики Башкортостан был проведен социологический опрос жителей по актуальным аспектам религиозной жизни, в ходе которого были затронуты вопросы о запретах. Всего в опросе приняли участие 200 человек (по 100 человек в каждом селе) (ПМА, 2020–2022).

Методологические подходы исследования определяются пониманием системы запретов как части соционормативной культуры, регулирующей поведение человека в повседневной и религиозно-обрядовой жизни. Исследование проведено с использованием основополагающих принципов исторических исследований: историзма, объективности, системности, конкретности. Кроме этого, использованы историко-сравнительный, описательный методы, а также специальные методы полевых этнографических исследований – глубинное интервью, опрос и наблюдение.

Структура статьи построена в соответствии с поставленной целью и задачами. В первой ее части запреты похоронно-поминальной обрядности чувашей проанализированы в аспекте их актуальности применительно к таким ключевым понятиям, как время, пространство, ритуальные действия, участники, предметы, жертвенные дары. Во второй части они рассмотрены с точки зрения их изменчивости во времени, а также востребованности в современной обрядовой практике.

Запреты в ритуалах похорон и поминок чувашей

Время и пространство в запретах. В обрядах похорон и поминок обращает на себя внимание совокупность запретов, которые ограничивали участие людей в ритуале в определенные интервалы времени – дни недели и даже время суток. По народным поверьям, такие отрезки времени считались нежелательными, неудачными или несчастливymi. Например, нельзя было хоронить покойника в среду, потому что этот день считался тяжелым (*йывър кун*). Похороны в середине недели, по народным представлениям, навлекали на жителей селения множество новых смертей (ЧНТ, 2009: 51, 58). Таким же тяжелым днем считалась пятница. Это было обусловлено тем, что до массовой христианизации чувашей пятница считалась днем отдыха, праздности и веселья. Поэтому в этот день начинать какие-либо дела было нежелательным, а нарушение запрета грозило разного рода неудачами и несчастьями (ЧНТ, 2009: 271; Салмин, 2007: 596–597; Салмин, 2016: 107, 418–419). Также во избежание большой беды чувашаи воздерживались устраивать похороны покойника в вечернее время.

Временные ограничения и запреты имеют место в обрядах поминального цикла. Так, осенние общие поминовения предков *кър сари/кърхи ватти/кърхи/автан прасникё* чувашаи проводили на «старую», или убывающую, луну (*кивё уйăхла, уйăх катăлнă чух*); этой нормы некрещеные чувашаи придерживаются и сегодня – обряды проводят обычно за одну или две недели в четверг или субботу до дня Казанской иконы Божией Матери (4 ноября). В то же время другие жизненно важные события, не связанные с предками и умершими, например жатву, строительство нового дома, новоселье, сватовство, свадьбу и др., чувашаи старались провести в дни, когда луна прибывала, или на «новый» месяц, потому что это служило хорошей приметой и приносило благополучие. На весенних поминовениях предков *сурта кунё* (досл. «день свечи») родственники остерегались спать в дневное время, так как существовало поверье, что с кладбища придут покойники и забросают глаза спящего могильной землей (ПМА, 1994–2022).

Следует также подчеркнуть, что на похоронах и поминках все ритуальные действия совершались с акцентом на нечетное число и с обязательным участием нечетного количества акторов обряда; такой числовой код сохраняется и в современных ритуальных практиках (Салмин, 2016: 180–201; Ягафова, 2022: 309). По верованиям чувашей, четное число, а равно с ним четное число участников обряда могли спровоцировать еще одну смерть, так как покойный «для пары» мог забрать с собой еще одного человека из числа живых (Рекеев, 1897: 4). Поэтому большие поминки после похорон проводили в нечетный день, например, на 35, 37 или 39-й день.

В традиционной культуре сохраняет актуальность также значительный пласт запретов, в которых просматривается сакрализация пространства, окружающего покойника, и в целом мира предков. Самыми устойчивыми и распространенными среди них являются запреты, касающиеся кладбища *масар/сăва*: нельзя без надобности посещать кладбище, особенно в вечернее время, входить на территорию кладбища, не попросив прощения, сквернословить, плевать, справлять нужду, рубить растущие там деревья, косить траву, собирать ягоды, выносить что-либо оттуда для личных потребностей. Покинув кладбище, запрещается оглядываться назад, показывать на него пальцем – нарушителю грозит смерть. Всевозможными запретами регламентировалось поведение людей в пространстве жилища, в котором находился покойник. Оставлять умершего одного в доме, т. е. без присмотра, запрещалось, в противном случае его душу может забрать злой дух. В присутствии покойника запрещалось громко разговаривать, смеяться, иначе можно спугнуть душу умершего. Этих запретов придерживаются и в современной жизни. О сакрализации пространства, в котором находится покойник, свидетельствует также обычай, в соответствии с которым участники похорон обязаны покинуть жилище, когда гробовщики с покойника снимают мерку, и потом, когда они заносят в дом пустой гроб.

В пределах усадьбы сакральным локусом для жертвоприношений в честь покойников и предков у чувашей является один из столбов больших ворот *хапха юпи* (досл. «воротный столб»), где резали домашнюю птицу. Здесь запрещается ругаться, сквернословить, справлять нужду, лить грязную воду, ударять по этому месту палкой (Ягафова, Петров, 2022: 194). Аналогичные запреты распространяются на место во дворе, где в честь покойников и умерших забивают домашних животных.

Запреты на действия для участников обряда. Обширный перечень запретов регулировал поведение участников ритуала похорон и поминок. Наиболее распространенными среди них были запреты на хозяйственную деятельность, касающиеся родных и близких покойного: им нельзя было работать, убираться в доме, стирать белье, заниматься рукоделием, ремеслом и т. д. В период между похоронами и большими поминками близким родственникам покойного, а также людям, которые изготавливали гроб, копали могилу, мыли и одевали покойника, пекли блины, затапливали баню, запрещалось варить пищу, стряпать пироги, подавать жар в бане, пользоваться иголкой, заниматься стиркой белья, толочь кудель, копать землю, стричь овец, мазать печку глиной (Сбоев, 1865: 136; Петров, 2021а: 162–163). Эти табу объяснялись тем, что при их нарушении тело покойного будет испытывать боль и мучения. Чувашки верили, что при подаче жара в бане ошпарится лицо и тело покойника, при обработке кудели в ступе и прядении ниток обломаются его кости, при ремонте печи глаза и рот мертвеца забьются глиной. Большинство указанных запретов сохраняется и сегодня.

Во время похорон и поминок определенные запреты налагались на коммуникативное поведение и привычные нормы этикета людей. Участникам похорон запрещалось здороваться за руку (ПМА, 2020–2022), а хозяевам – встречать приходящих к ним людей, а потом провожать их (Месарош, 2000: 180, 182). Некоторые действия целенаправленно совершались наоборот или в обратном направлении: воду для обмывания покойника набирали не ближайшим, а противоположным краем ковша, а также по течению реки (Прокопьев, 1903: 9); тело умершего обмывали левой рукой, а правой его придерживали; воду из ковша на покойника лили от себя, т. е. в обратную сторону; использованную воду выливали по направлению вверх (*ви-релле*), а не вниз. Все это предпринималось для того, чтобы близким покойного и членам сельского сообщества не пришлось участвовать на похоронах снова, т. е. повторно (Прокопьев, 1903: 9). Существовал также запрет переходить дорогу похоронной процессии – в противном случае злые духи, находящиеся рядом с покойником, могут пристать к нарушителю и вызвать его смерть. По другим поверьям, такой человек мог навлечь на себя гнев покойника, который мог стать причиной различных бед и несчастий.

К указанному типу ограничений можно отнести также пищевые запреты, сохраняющие актуальность до настоящего времени: нельзя готовить еду из свинины, козлятины и рыбы, использовать муку нового урожая, нельзя приступать к общей трапезе, не совершив ритуального кормления покойников *хывни*, оставлять поминальную еду и питье про запас и т. д.

Запреты на участие. Запреты регулировали участие членов общины в обрядах по возрастному и гендерному принципам. Дети и молодежь выступали на похоронах и поминках в качестве пассивных наблюдателей. Женщины не участвовали в рытье могильной ямы, изготовлении гроба, забивании жертвенного животного или птицы, закапывании могилы. Им не разрешалось нести крышку гроба и надмогильный памятник (столб или крест). В свою очередь мужчин не допускали к приготовлению пищи, стирке белья, мытью полов, стен, потолков. Во время поминальной трапезы после похорон сначала за стол садились мужчины и только после них женщины. Как и у многих других народов, на похоронах запрещалось присутствие беременных. Особые запреты накладываются на членов семьи умершего. Им категорически не

дозволяется мыть тело покойника, копать могилу, изготавливать гроб, закапывать могильную яму, а после похорон до больших поминок – петь, плясать, ходить в гости, одевать праздничную одежду. Большинство этих запретов сохраняет свою значимость и сегодня (ПМА, 2020–2022).

Запреты, касающиеся предметов и жертвенных даров. Из этого цикла запретов самым устойчивым и широко распространенным является запрет на укладывание находящегося при смерти человека на перину и подушку. Чуваши полагали, что, если пренебречь этим, на «том свете» покойника заставят пересчитать имеющиеся в них пух и перья. По другим поверьям, в них душа человека после выхода из тела могла легко заблудиться и тем самым задержать быстрое наступление смерти (ПМА, 1994–2022).

Часть запретов связана с приготовлением принадлежностей для покойника. Если для умершего шили одежду или другие принадлежности, то целенаправленно не пользовались ножницами, сперва ткань или полотно с двух сторон резали ножом, а потом рвали руками. Шили всегда вручную, направляя иголку от себя, не делали узлов на нитке, которую старались израсходовать полностью – в противном случае в доме мог появиться еще один покойник. На покойного надевали чистую, но обязательно ношеную одежду, новую обязательно стирали или хотя бы ополаскивали в воде, а потом высушивали. При этом выворачивать ее наизнанку и гладить горячим утюгом было запрещено. Когда хоронили девушек и женщин, имеющиеся на них бусы надлежало порвать, т. е. нарушить их целостность, потому что хоронить с целым украшением запрещалось (Ашмарин, 1950: 338). Такой же порядок соблюдается в отношении предметов, которые используются в обрядах поминального цикла. Так, например, на больших поминках после «проводов» покойника участники обряда на улице разбивают рюмку, стакан, тарелку, ложку; обратно в дом их не заносят.

Определенные запреты соблюдались в отношении жертвенных даров. Полагающуюся для покойников поминальную еду во время ритуального кормления хывни допускалось давать собакам, но ни в коем случае не кошкам. Потому что существовало поверье, что покойники приходят к ним на поминки в обличье собак. Остатки еды и питья запрещалось приносить домой, их надлежало полностью разложить и разлить на территории кладбища. Кости жертвенных животных, которые оставались после больших поминок, нельзя было выбрасывать. После поминальной трапезы их собирали в какой-нибудь сосуд, затем выбрасывали в овраг перед кладбищем или оставляли возле его ограды (ПМА, 1994–2022).

Таким образом, запреты в похоронно-поминальной обрядности чувашей представляют собой достаточно развитую часть соционормативной культуры и в своем многообразии охватывают такие существенные характеристики обрядов, как время и пространство, состав участников, поведение, ритуальные предметы, жертвенные дары и др. Совокупность рассмотренных табу демонстрирует основную цель похоронно-поминального ритуала – поэтапное сопровождение покойника из профанного пространства в сакральное. Благодаря этим рестрикциям происходило «отторжение» умершего из мира культуры и его «перемещение» в мир предков. Исследование показало, что значительная часть запретов актуальна и в современных ритуальных практиках чувашей.

Трансформации системы запретов в условиях современности

Социокультурные трансформации XX – начала XXI в. существенно повлияли на систему запретов с точки зрения их сохранности и функциональности. Полученные в ходе экспедиций наблюдения и результаты опроса населения показывают, что в этой сфере сохранились запреты, связанные с днями недели (нельзя хоронить в среду), соблюдением сроков проведения обрядов (нельзя устраивать поминки в четный день), с определенными действиями (нельзя пока-

зывать пальцем на кладбище, ходить за водой или проводить обряд *хывни* в четном количестве, пересекать дорогу похоронной процессии и т. д.). Однако существенная часть обрядовых действий подверглась изменениям. Значительной трансформации подверглись запреты, регламентирующие обряды предпохоронного и похоронного цикла, что связано с редукцией ритуала. Например, из-за того что гроб и другие ритуальные принадлежности в последние десятилетия покупают в ближайших салонах ритуальных услуг, практически забыты и не соблюдаются запреты, связанные с их изготовлением, занесением в дом, укладыванием в гроб покойника и т. д. В связи с тем что нередко покойного теперь забирают из морга после медицинского освидетельствования, исчезает традиция обмывания покойника, а вместе с ней и перечень соответствующих запретов, связанных с этой процедурой. По данным полевых материалов, в Кош-Елге Бижбулякского района РБ о правилах приготовления воды для обмывания покойника знают только 29 %, а в с. Девлезеркино Челно-Вершинского района СО всего 8 % опрошенных, об особых запретах при изготовлении гроба знают соответственно 41,2 и 68 % респондентов (ПМА, 2020–2022). С утверждением христианства в ритуал похорон и поминок крещеных чувашей активно внедряются православные традиции и нормы: посты, пищевые ограничения и др. Из-за ревностной, а порой непримиримой позиции священников, а также поддерживающих их адептов православия традиционные нормы обряда, в том числе и запреты, отвергаются и пресекаются как проявление «язычества».

В семьях, состоящих из нескольких поколений, запреты соблюдаются по-разному. Если старшее и среднее поколения рассматривают их как обязательные к исполнению правила, то молодежь воспринимает критически или с большой долей скепсиса. Причина такого отношения – отсутствие глубоких знаний о традиционных ритуалах и непонимание смысла обрядовых действий. По данным опроса, доля соблюдающих большинство запретов в Кош-Елге в возрасте 71 года и старше составила 60 %, а в возрасте до 30 лет – 32,1 %. В Девлезеркино эти показатели в указанных возрастных когортах составили соответственно 71,4 и 22,2 %. Неприятие запретов молодым поколением обусловлено также масштабными глобализационными процессами в современном мире, их территориальной и социальной мобильностью, распадом больших, многопоколенных семей, нарушением механизмов трансляции этнокультурных ценностей между поколениями, размыванием границ между бытовым и ритуальным поведением. Несмотря на это, запреты в похоронно-поминальных ритуалах чувашей не утратили своей актуальности, особенно в селениях некрещеных чувашей и проживающих с ними по соседству христиан (ПМА, 1994–2022).

Заключение

Таким образом, запреты, являясь важной частью соционормативной культуры или норм обычного права, в обряде похорон и поминок регулировали достаточно широкий спектр бытового, обрядового поведения, а также хозяйственную деятельность как индивидуума, так и социума. Они регламентировали пространство, время, место проведения обряда, состав и поведение его участников, ритуальные предметы (атрибутику), пищу, жертвенные дары и т. д. Социокультурные трансформации XX – начала XXI в. существенно повлияли на систему запретов с точки зрения их сохранности и функциональности. Часть запретов оказалась забытой полностью, другая осталась без каких-либо изменений и продолжает соблюдаться. Однако по сравнению с прошлыми эпохами объем запретительных норм и правил существенно сократился, а их жесткое соблюдение перестало восприниматься населением как обязательное для всего общества правило. Это обусловлено стиранием границ между повседневностью и обрядом, между профанным и сакральным. Другой причиной сокращения роли запретов в современной жизни являются объективные изменения, возникшие в хозяйственно-бытовом укладе, быте, ритме жизни, которые позволяют не только не соблюдать все запреты,

но и пренебрегать ими. Определенную лепту в этот процесс внесли такие явления, как нуклеаризация семей и ослабление механизмов трансляции культурных традиций между поколениями. Тем не менее отмеченные выше изменения являются частью общего процесса трансформации этнической культуры в условиях современности.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы авторов.

РБ – Республика Башкортостан.

РТ – Республика Татарстан.

СО – Самарская область.

Литература:

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. XVII. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1950. 436 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В. В. Земсковой; ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 806 с.

Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.

Петров И. Г. Запреты в похоронно-поминальных обычаях и обрядах чувашей // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 4 (34). С. 159–167. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-4-159-167

Петров И. Г. Поведенческие запреты в похоронных и поминальных обрядах чувашей // Вестник Чувашского университета. 2021а. № 2. С. 158–170.

Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1903. 39 с.

Рекеев А. Из чувашских преданий и верований. 4. Жертвоприношения и моления. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1897. 15 с.

Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с.

Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

Сбоев В. А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.

Сергеева Е. В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей (конец XIX – начало XXI в.): историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2015. 170 с.

Сергеева Е. В. Ритуальные блюда и напитки в семейной обрядности чувашей и их магические функции // Исследования по этнологии чувашского народа: сб. ст. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных исследований, 2021. С. 243–261.

Чувашское народное творчество (ЧНТ). Приметы и поверья. Сновидения / сост. и науч. редактор Е. В. Федотова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 383 с. (на чув. яз.).

Ягафова Е. А. Сакральная символика чисел в современной ритуальной практике чувашей // Марийская традиционная культура: история и современность. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 301–318.

Ягафова Е. А., Петров И. Г. Запреты в празднично-обрядовом календаре чувашей: традиция и трансформация // Этнография. 2022. № 2 (16). С. 187–210.

Петров Игорь Георгиевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник.

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077.

E-mail: ipetrov62@yandex.ru

Ягафова Екатерина Андреевна.

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой.

Самарский государственный социально-педагогический университет.

Ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443099.

E-mail: yagafova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 6 марта 2023 г.

RITUALS OF BURIAL AND COMMEMORATION OF CHUVASHS IN THE CONTEXT OF PROHIBITIONS: TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS

The article deals with prohibitions in Chuvash burial and memorial rituals and the factors of their mutability in the process of transformation. The study aims to analyze the prohibitions in the context of their study as a mechanism of regulating people's behavior at funerals and commemorations and the nature of changes in the prohibitions in modern conditions. The task of the study is to examine the prohibitions that occur in Chuvash funeral and memorial rituals through the prism of such key concepts as time, space, ritual actions, the composition of participants, objects, offerings, and the stability and variability of the prohibition system under the influence of globalization and cultural modernization. The work is based mainly on the authors' original field material collected between 1994 and 2022 in various Chuvash settlement areas in the Ural-Volga region. The methodological basis of the study is understanding the prohibition system as an integral part of the socio-normative culture that regulates human behavior in daily and ritual life. As a result of the study, it was found that the subject of prohibition norms in this area can be any area of the economic, daily, and ritual life of a person, whether the time, place of action, ritual attributes, composition of participants, clothing, food, offerings, behavior. Recently, the prohibitions in this area have changed significantly regarding safety and functionality. Under the influence of the socio-cultural changes of the XX – early XXI century, the scope of prohibitions has significantly decreased, and a significant part of them is no longer considered binding. This is due to the fact that in modern reality, the boundaries between the profane and the sacred have become blurred, the economic and domestic way of life, employment, and the rhythm of people's lives have changed, families have been atomized, and the transmission of cultural traditions between generations is no longer guaranteed. As a result, many prohibitions no longer play a role in people's minds. In general, the changes noted are part of the general process of transformation of ethnic culture in the context of globalization and modernization of culture

Keywords: *Volga-Ural region, Chuvash, customs and rites related to the death of a person, prohibitions*

References:

- Ashmarin N. I.** Slovar' chuvashskogo yazyka [Dictionary of the chuvash language]. Iss. XVII. Cheboksary, 1950. 436 p. (in Russian).
- Dyurkgeim E.** Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia]. Moscow, 2018. 806 p. (in Russian).
- Mesarosh D.** Pamyatniki staroi chuvashskoi very [Monuments of the old chuvash faith]. Cheboksary, 360 p. (in Russian).
- Petrov I. G.** Zaprety v pokhoronno-pominal'nykh obychayakh i obryadakh chuvashei [Prohibitions in funeral and memorial customs and rites of the chuvashs] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. No 4(34). P. 159–167 (in Russian).
- Petrov I. G.** Povedencheskie zaprety v pokhoronnykh i pominal'nykh obryadakh chuvashei [Behavioral prohibitions in funeral and memorial rites of the chuvashs] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2021. No. 2. P. 158–170 (in Russian).
- Prokop'ev K. P.** Pokhorony i pominki u chuvash [Funeral and commemoration rites of the chuvashs]. Kazan, 1903. 39 p. (in Russian).
- Rekeev A.** Iz chuvashskikh predanii i verovanii. 4. Zhertvoprinosheniya i moleniya [From chuvash traditions and beliefs. 4. Sacrifices and prayers]. Kazan, 1897. 15 p. (in Russian).
- Salmin A. K.** Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, 2016. 688 p. (in Russian).
- Salmin A. K.** Sistema religii chuvashei [The system of religion of the chuvashs]. St. Petersburg, 2007. 654 p. (in Russian).
- Sboev V. A.** Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh. Ikh proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr. [Chuvashs in everyday, historical and religious relations. Their origin, language, rites, beliefs, traditions, etc.]. Moscow, 1865. 188 p. (in Russian).
- Sergeeva E. V.** Traditsionnaya kukhnya i zastol'nyi etiket chuvashei (konets XIX – nachalo XX v.): istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam etnograficheskoi gruppy nizovykh chuvashei [Traditional cuisine and table etiquette of the chuvashs (late XIX – early XXI centuries): a historical and ethnographic study based on materials from an ethnographic group of lower chuvashs]. Cheboksary, 2015. 170 p. (in Russian).
- Sergeeva E. V.** Ritual'nye blyuda i napitki v semeinoi obryadnosti chuvashei i ikh magicheskie funktsii [Ritual dishes and drinks in the chuvash family rites and their magical functions]. Issledovaniya po etnologii chuvashskogo naroda [Studies on the ethnology of the Chuvash people]. Cheboksary, 2021. P. 243–261. (in Russian).

Chuvashskoe narodnoe tvorchestvo. Primety i pover'ya. Snovideniya [Chuvash folk art. Signs and beliefs. Dreams]. Cheboksary, 2009. 383 p. (In Chuvash).

Yagafova E. A. Sakral'naya simbolika chisel v sovremennoi ritual'noi praktike chuvashei [Sacred symbolism of numbers in the modern ritual practice of the chuvashs]. Mariiskaya traditsionnaya kul'tura: istoriya i sovremnnost' [Mari traditional culture: history and modernity]. Ioshkar-Ola, 2022. P. 301–318. (in Russian).

Yagafova E. A., Petrov I. G. Zaprety v prazdnichno-obryadovom kalendare chuvashei: traditsiya i transformatsiya [Prohibitions in the festive and ritual calendar of the chuvashs: tradition and transformation]. Etnografiya [Ethnography]. 2022. No. 2 (16). P. 187–210. (in Russian).

Petrov Igor Georgievich.

Candidate of historical sciences, senior researcher, leading researcher of the Department of ethnography.

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of the Ufa Federal Research Centre of the RAS.

Karl Marx st., 6, Ufa, Russia, 450077.

E-mail: ipetrov62@yandex.ru

Iagafova Ekaterina Andreevna.

Doctor of Historical sciences, Professor, Head of the Chair of Philosophy, History and Theory of World Culture.

Samara State University of Social Sciences and Education.

Maxim Gorky st., 65/67, Samara, Russia, 443099.

E-mail: yagafova@yandex.ru